

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Мазуркевич, Наталья Витальевна.
М13 Полевая практика, или Кикимора на природе /
Наталья Мазуркевич. — Москва : Эксмо, 2019. —
352 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-102079-8

Попасть в историю легко, наследить — еще проще, а вот разгрести все то, во что ввязалась... Да уж, без помощи не обойтись! Но если и помощь имеется, и сама не прочь рискнуть, то почему бы и нет?

Данька, которая никогда не отличалась прозорливостью, влезла не просто в историю — в настоящий переплет. Не послушала инструкций, сделала, как сама хотела, и пропала. И что теперь делать бедной кикиморе у разбитого корыта? Сдавать сессию? Участвовать в Зеленых гонках? Или искать того самого, единственного и неповторимого, кто и от врагов спасет, и ужин приготовит? Нельзя все и сразу? Тогда мы выберем второе! Готовить — оно полезней. А с врагами Данька и сама справится!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазуркевич Н., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-102079-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие, которого не должно быть

— Ну вот за что? За что мне такое наказание? — громко, чтобы никто не усомнился в моем горе, кричала я, помахивая измятым клочком бумаги. Только что полученная работа мерцала самой дурной оценкой из всех существующих. Четверка насмешливо подпирала рожками заголовок моего ответа. — Ну как он мог? — Я пнула стену, но получилось скорее наоборот. — Уй...

Рядом, не вмешиваясь в процесс моего страдания, стояла наша честная компания. Хорошо им, они на боевку не пошли и от такой чести сбежали. А я... Ну что мне теперь делать? Если узнают свои (а эти зеленые не преминут сдать, как стеклотару), стыда не оберусь. А все он...

Всякое расположение к Альгару исчезло за стеной негодования, что воздвиг он сам, поставив мне четверку. Нет, я бы еще простила, если бы там пятерка сияла или горделиво высился кол. Да даже двойка — и та идеально гармонировала с моим кривым почерком. Тройка! Даже ее я бы сумела объяснить. Но четверка! Он нарывался. Нарывался и знал об этом.

Я припомнила ехидную улыбку мага, когда в конце пары он положил передо мной работу оценкой вниз. Знал, что ничего хорошего о себе не узнает, потому-

то и скрылся в дверях, не дав никому даже слова вымолвить.

Не прощу! Вот как есть не прощу! Отомщу! А потом еще! И еще!..

Видимо, с кровожадностью я переборщила: даже опытные болотники дрогнули и отступили на шаг.

— Данька вышла на тропу войны, — хихикнула Кира и быстро смолкла, поймав мой взгляд. А я что? Я же поблагодарить за поддержку хотела. Единственный солидарный человек — и тот иномирец. Ой, а я... я же сама такая!

Глава 1

Учебно-методическая, или Как сдать

От сессии до сессии живут адепты весело,
А сессия — авось и пронесет!

Нет в жизни студента ничего более определенно-го, чем сессия. Мы знаем, когда она настанет, знаем, что мы будем делать (страдать!), но не знаем одного: сдадим ли все экзамены. Это то самое, неопределенное, со страхом которого бедным адептам приходится существовать всю свою учебную жизнь. Обычным адептам.

Мы, болотники всех мастей и илистых слоев, являли собой завидное исключение, которое готовилось к предстоящим экзаменам, потирая ручки и проверяя вместительность карманов. Мануфактура имени Бодрой Жабки, зарегистрированная в торговой гильдии и получившая номер одна тысяча семьсот третий, изнывала от нетерпения. Наш гендиректор и идейный вдохновитель Трейс ходил по общаге, загадочно улыбаясь и показывая тайные знаки бледнеющим и худеющим однокурсникам. Сам болотник хорошел на глазах, точнее — на деньгах, которые текли к нему рекой, несмотря на все ухищрения деканата.

Оглядевшись, никто ли за ним не следит, что было больше показухой, чем реальным приемом обнаружения хвоста, болотник постучал в нашу комнату. О том, что именно у нас располагался основной цех подпольного шпорописания, знали все. Даже декан

заходил с инспекцией, но ничего так и не нашел. Вита же не просто так звалась мудрейшей Бабой-ягой, с ее маскировочными чарами никто не мог поспорить. Разумеется, из тех, кто хотел. В том, что почтенная магистресса прикладного ядоделания в два счета нас расколет, не сомневался никто. Поэтому вот уже вторую неделю Трейс исправно ходил к ней на поклон и сообщал имена тех нанимателей, кто намеревался списывать.

Чего греха таить, даже мы собирались его сдавать. А потому, кроме чужих шпор, часами заседали с конспектами по ядоделанию. Этот предмет было решено сдавать здесь. Все же, по словам Виты, магистресса была куда добрее наших болотных преподавателей, при мысли о которых у меня начинали трястись поджилки.

— Пролазь! — крикнула, не оборачиваясь, Вита. Она сверяла свою «идеальную» шпору, по которой нам предстояло писать остальные, со своим же конспектом.

Трейс с трудом приоткрыл дверь и протиснулся в образовавшуюся щель. После упал прямо на пол.

— Чего так туго идет? — не поднимаясь, предпочитая пока подышать пылью и попялиться в потолок, поинтересовался он.

— Да были тут всякие, — отозвалась наша главная и шикнула на соратника: — Отвлекаешь!

Трейс благоразумно заткнулся, не желая выплачивать компенсацию пострадавшим, ежели Вита сейчас допустит ошибку. Потому, отдышавшись, он тихонько-тихонько пополз в мою сторону и (вот наглость!) попытался залезть на кровать.

— Ты грязный! — отпихивая его со своего жизненного пространства, воскликнула я, готовая до конца защищать чистоту кровати. Учитывая, что заправлять

ее я не любила, грязный Трейс мог нанести ощутимый вред моим простыням. — Стирать отправлю!

Эти два банальных слова сотворили чудо. Стирать болотник не любил, и еженедельная стирка превращалась для него в настоящее испытание. Он ходил, стонал, подпирал углы, едва ли не плакал, пытаясь найти сердобольную девушку, которая освободит его от постирочной повинности.

Простой способ, известный всем ленивым, но состоятельным адептам, ему не подходил: расставить-ся со своим золотом болотник не желал, а потому... Огорчению его не было предела. Больше, чем стирать, Трейс не любил только стирать в одиночестве. А к тому времени, как он наконец собирался с духом, все уже заканчивали водно-мыльные процедуры и усталые возвращались в свои комнаты.

— Нехорошая девочка, — недовольно выдавил из себя Трейс, но вскоре утешился: предстоящая прибыль успокаивающе действовала на его натянутые нервы. — Плюс семь к шпорам по Дитмару...

— Еще семь? — удивилась Вита, откладывая в сторону конспект. — Он же все шпаргалки нейтрализует. Зачем только тратятся? Ничему их история не учит.

Заядлых списывальщиков история и правда ничему не научила. На памятной контрольной, устроенной Дитмаром в недалеком прошлом, карманы, чулки и даже парики пылали ярким синим пламенем справедливости, выдавая места с запретными письменами. Джейс с Трейсом только плечами пожимали: прятать шпоры — не их работа, а коль списывать не умеешь — стоит ли браться?

Тем не менее уже к следующей проверочной у наших дружелюбных стен вновь собирались желающие и шепотком просили поспособствовать. Жалость при-

шлось запихнуть подальше, ибо когда сердобольная я пыталась отговорить одного из бедняг, Трейс обнял меня за талию, приподнял над полом и утащил в комнату. Чтобы бизнес вести не мешала, как он выразился.

— А разве это плохо? — усмехнулся болотник. — Дитмар нам, кстати, уже рейтинг выставил. Так что можете вздохнуть спокойно.

— И сколько? — поинтересовалась Вита. Яды были единственным предметом, способным вдохновить ее на ночные бдения с конспектом.

— У тебя — пять! — поздравил кикимору парень. — Нам с братом четверки достались. А вот Кира плачет: не любит ее Дитмарчик, трояк выставил.

— А мне? — не услышав собственной оценки, напомнила о себе я.

— Сядь, — предупредил болотник, прежде чем говорить. И только когда я уселась, обняла подушку и, затаив дыхание, уставилась на Трейса, он снизошел: — Ты не сдаешь.

Наверное, в этот момент мои глаза и рот стали анимешными. Большими и широко раскрытыми. Вита прищипнула и одобрительно хлопнула меня по плечу.

— А почему? — Я не нашла ничего лучше, чем выдать эти два невразумительных слова.

— А я почему знаю? Я рейтинг не составляю, — развел руками болотник и поведал: — У тебя последняя контрольная на пятерку, и там еще приписка какая-то была в его пометках. Я не разобрал, но сдавать тебе не придется.

— Странно это, — проговорила я, почесывая макушку. Зачесалась она как-то внезапно и остро: к чему бы это?

— И не говори, но представь, как тебе завидовать будут! Даже Вита сдает, а ты — нет!

— Угу, неисповедимы пути Дитмара, когда он рейтинг считает, — подтвердила протиснувшаяся к нам Кира. — Тоже видели?

— Что? — не поняли мы.

— Общий рейтинг. В холле у расписания и перед столовой повесили. Нам же практика предстоит, вот они и показывают примерно, что кому достанется и кто присматривать будет.

— А...

Практикой болотников было не удивить: мы заранее знали, что отправимся в любимый и родной Семиречинск. Кира, будучи официально принятой в наше братство шпорописателей, должна была поехать с нами. Единственное, что ускользало от нашего коллективного дара предвидения: кого из преподавателей отправят с нами. Каждый год кураторы менялись, и предсказать, кого сейчас нелегкая дернет с нами поехать, не смог даже городской оракул. Пришлось ему деньги возвращать: с Трейсом шутки плохи, а обтекаемые формулировки из ряда «уважаемый человек» или «известный вам субъект, пользующийся доверием деканата» никак не могли устроить притязательного болотного предпринимателя.

— И?..

Никто не стал произносить вслух волнительный вопрос, но Кира уже и без того понимала всю компанию с полуслова.

— Кураторов пока не распределили, но в этом году в списке есть Дитмар и его высочество, — насмешливо глядя почему-то на меня, сказала Кира.

— Лучше лосиный принц, чем ядовитый герцог, — тихонько, чтобы за дверью, если что, не услышали, вынес вердикт Трейс.

Вита хмыкнула, но от уточнений воздержалась. А вот мне стало интересно: чем Альгар заслужил одобрение нашего ушлого болотника, если его предпочли любимому мэтру? Спрашивать подобное было не с руки, и пришлось отложить свой интерес до лучших времен.

— Лучше — Января, — высказала свое мнение Кира.

— С чего ты взяла? — Трейс решил, что стоять в проходе недостойно джентльмена, и уселся прямо на ковер. Ну и ладно, все равно предупредить, что на его черных брюках обязательно останутся белые следы, я не успела. А Вита... кикимора была на редкость простодушна сегодня: сам не заметил — сам и виноват.

— Она — женщина! — выложила свой главный аргумент Кира и присела на спинку кровати.

— Эй, не порти мне мебель, она и так на ладан дышит! — не сдержалась я, начиная подозревать заговор. Вот уж действительно: то Трейс норовит пододеяльник испортить, то Кира развалить всю конструкцию... Как есть заговор.

Кира готова была уже возразить, но Вита ее прервала:

— Приступаем, девочки. — Болотница протянула мне сверенную идеальную шпору и кивнула в сторону шкафа. — Трейс, останешься?

— Как-нибудь в другой раз, — припомнив, сколько у нас заказов на Дитмара, мгновенно среагировал болотник, исчезая за дверью. — Я после ужина зайду, — пообещал он от двери и шустро ускакал в город.

— Вот такие они непостоянные, эти мужчины, — заметила Вита, потянувшись и первой шагнула в наш подпольный цех.

Во втором часу ночи жизнь кажется прекрасной, даже если ты пропустил ужин. Сладко обнимая ножку стула и чувствуя, как по щеке сползает холодная капля, ты понимаешь, что не так уж и ужасно провел день. Ведь если бы не утомительное переписывание одного и того же, ты никогда не познал бы великое наслаждение спать прямо на полу.

Судя по характерным звукам, не одну меня смогло в процессе подготовки товаров первой необходимости для адептов. Кое-как продрав глаза, я села и поправила на столе упавшую на бок чернильницу, молясь, чтобы жидкость, стекающая у меня по щеке, не имела ничего общего с содержимым склянки. Увы, удача в очередной раз была на стороне всяческого западло, и зеркало показало мне мой новый перманентный макияж.

Вот уж поистине карма: если не прическа, то само лицо являет образец стараний непризнанного гения тату-арта. Переступив через Киру, которой закономерно повезло больше и чернил на нее не хватило, я выбралась из нашего цеха и шагнула в комнату.

Часы уверенно показали четверть третьего и с необдуманием пискнули, как будто имели что-то против вымазавшихся по самое не хочу кикимор.

— Предатели! — хмыкнула я, зевая. Сон все же не хотел отступать, и для меня стало откровением, с чего это я вдруг вообще проснулась среди ночи, когда все остальные спокойно дрыхнут и проблем не знают.

Позевывая, но стараясь лишний раз не прикасаться к лицу, чтобы еще и руки раньше времени не испачкать, я подошла к окну.

Ничего сверхъестественного не происходило. Темно, как и положено в это время, звезды всякие на небе, луна полная и желтая, как цыпленок, холодно,

раз уж наши иномирцы так ежатся. Еще бы им не зябко было: кто в чем выскочил! Пижама, шорты, ночнушка, полотенце на голове, кто в тапках, а кто и без. И чего это они слет ночнушников устроили? А если и захотели флешмобиться ночью, почему не позвали Киру? Обидится же, до сих пор с иномирской общиной не порвала: ходит к ним на тортик, шоколад иногда приносит.

Я даже позавидовала однажды, когда она с пачкой писем от родни пришла. Но не идти же сдаваться властям, требуя права переписки? А то больно мне это тюрьму напоминает. Разве что размеры у Академии побольше, но для иномирцев, которых все еще большинство игнорирует, то еще удовольствие здесь быть. И как только согласились? Или тоже, чтобы отвязаться, как я тогда?

Любоваться на медленно коченеющих однокурсников было сомнительным удовольствием, да и чернила требовали к себе внимания, потому пришлось отчаливать от окошка и идти в ванную.

Еще раз порадовалась, что у нас комната дорогая, а то топтать по коридору с этой мазней — засмеют и правы будут. Дверь открылась без скрипа, заставляя меня порадоваться хозяйственной соседке, и я принялась отмываться.

Макияж никогда не был моей сильной стороной, и совершенно логично предположить, что со средствами его снятия я была знакома только понаслышке. Но теоретически знаю — значит, должно получиться!

Поковырявшись в баночках-скляночках, я вознесла хвалу Январе, Дитмару и даже ужасному ботанику, чьи занятия теперь проходили мимо меня, что заставляли нюхать ингредиенты и учили, как это правильно делать. А то ядодел, как тот же сапер, ошибается только раз.

Обнаружив-таки любимейший гель Виты, которым она грим смывала, я рассудила, что чернила можно условно приравнять к прочей краске для лица. Вылила чуть-чуть геля на ладонь, выдохнула и принялась размазывать по лицу, предусмотрительно зажмурившись.

Чтобы я еще хоть раз так лопухнулась! Нет, чернила-таки сошли, пусть и доставило мне это измывательство пару пренеприятных минут, но гель подействовал. Только вот инструкцию я прочитать не удосужилась, думала, что все просто. Ага, просто. Если бы все так просто было, Вита бы не задерживалась на час в ванной, чтобы косметику снять!

Я брызнула водой себе на лицо, чтобы хоть как-то избавиться от сухости. Складывалось впечатление, что гель этот использовался не только для снятия макияжа, но и для снятия кожи. Наносишь и сдираешь скальп — быстро и без проблем. Но мне-то что с этим делать? Всю ночь под краном сидеть, чтобы постоянно вода была?

Пожалуй, это был бы самый разумный исход косметического приключения, но где наша не пропадала? Рассудив, что хуже уже не будет, я принялась шерудить по оставшимся склянкам. Ведь не может быть, чтобы не было антидота? Ведь ни один нормальный отравитель не будет держать в своем хозяйстве нечто, против чего у него нет противоядия!

Обнадежив себя таким образом, я продолжила поиски. Успех моему предприятию не предрекал никто. Даже я после двадцать седьмого флакончика отчаялась, но двадцать восьмой стал для меня поистине чудом.

С облегчением, которое добавило мне рвения, лицо было смазано, и пустыня начала отступать. Сначала оазисом стал нос, что доказывало его способность